

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ.

Часть вторая.

Книга шестая.

Человѣкъ яко трава,
дне его яко цвѣтъ сельный
[Псал. 102. Ст. 15].

Когда Государь Императоръ Александръ Павловичъ воцарился, то я, имѣвъ счастье, по службѣ моей при Государѣ, родителя его, быть нѣсколько особливо извѣстнымъ Его Величеству, принялъ смѣлость всеподданнѣйшимъ письмомъ изъяснить ему чувствованія моего вѣрнопоподданнаго усердія и любви; Всемилостивѣйше отвѣчая мнѣ на сіе (отъ 25-го Марта 1801-го года), Государь изволилъ увѣрить меня во вниманіи его на службу и труды мои.

Вступленіе свое на Престолъ благодѣтельный монархъ сей ознаменовалъ явленіями милостей, провозвѣщавшими времена Титовъ и Маркъ-Авреліевъ.

Между прочими дѣлами Его милосердія, уничтоженіе тайной экспедиціи весьма было блистательное; оно имѣло въ предметъ ея злоупотребленія: ибо впрочемъ тайный судъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ столько жъ необходимъ, сколько никогда не можетъ справедливо быть наказаніе тайное; развѣ только, когда одна цѣль его есть отечески исправить наказуемаго, скрывая при томъ его отъ стыда.

Намѣреніе Государево при уничтоженіи тайной экспедиціи самое благотворное было; но не соотвѣтствовало ему положеніе Сената, которому предоставилъ Государь постановить, какимъ образомъ производится роду бывшихъ въ ней дѣлъ.

Сенатъ положилъ ввести дѣла сіи въ общій кругъ судопроизводства и о людяхъ нижняго состоянія оканчивать по рѣшеніямъ Палатъ, съ согласія Начальниковъ Губерній на основаніи законовъ.

Между тѣмъ же такихъ—и самыхъ пустыхъ, но тѣмъ не меньше бѣдственныхъ, особливо по словамъ, случиться можетъ,—какъ не между людьми нижняго состоянія въ разсужденіи ихъ невѣжества и грубости нравовъ. Сколько бы жалкихъ жертвъ было строгости Законовъ, которую Цари—и самые грозные укрощали, когда подобныя дѣла доходили до ихъ собственнаго рѣшенія, и отъ коей, кромѣ ихъ, никто не имѣетъ власти удалиться.

Не могли бы Начальники Губерній съ Палатами нисколько облегчить судьбу судимыхъ; не смѣли бы представлять о томъ—если бъ не сыскались еще и такіе, которые бы стали въ сихъ случаяхъ отмѣнною строгостію выслуживаться.

Не дерзко предполагать сіе—когда недавно видѣли, что въ самомъ Правительствующемъ Сенатѣ, по дѣлу такого рода произошелъ между Г. Г. Сенаторами споръ единственно о числѣ ударовъ и дѣло вышло потому одному въ общее собраніе¹⁾.

---

¹⁾ Дѣло сіе слушано въ общемъ собраніи Московскихъ Департаментовъ 1-го Іюля 1808-го года. Оно производилось по доносу о словахъ, относящихся къ оскорбленію Царскаго Величества за доносъ недоказанный. Уголовная Палата опредѣлила: наказавъ двухъ чловѣкъ (отца съ сыномъ) тѣлесно, вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Въ 6-мъ Департаментѣ одни Г. Г. Сенаторы утвердили рѣшеніе палаты съ опредѣленнымъ ею числомъ ударовъ, а другіе такъ же утвердили и точно тѣми же словами, только съ прибавкою числа ударовъ вдвое.—Не могли согласиться, и дѣло перешло въ общее собраніе, въ коемъ наконецъ всѣ согласились на меньшее число ударовъ. Я одинъ не полагаю ихъ нисколько; а долгомъ совѣсти и самаго законнаго порядка, о чемъ подать слѣдующій голосъ.

„Нахожу въ дѣлѣ семь возможностей, какъ умышенной клеветы—такъ равно и упорства... въ признаніи вины своей и при справедливомъ можетъ быть показаніи первыхъ; ибо хотя въ мудрое укрощеніе неосновательныхъ и ложныхъ доносовъ опредѣляется законами тяжкое наказаніе за доносъ недоказанный; однако по многымъ опытамъ извѣстно, что иногда самой справедливый доносъ не можетъ быть доказанъ, или не докажется по нѣкоторому только стеченію обстоятельствъ; а въ сихъ случаяхъ наипаче достойны со-

Итакъ уничтоженіе тайной могло имѣть гибельнѣйшія для чело-вѣчества слѣдствія, нежели ея существованіе во времена величайшей строгости.

По усердію моему къ общему благу, къ истинной славѣ Государевой и по любви къ челоуѣчеству, хотѣлъ я представить о семъ отъ себя чрезъ письмо, которое для поднесенія Государю располагался я отдать другу моему Сергѣю Ивановичу Плещееву, отправлявшемуся тогда въ С.-Петербургъ, проѣздомъ въ чужіе края. Началъ было я и писать его; но приключившаяся вдругъ мнѣ болѣзнь помѣшала: Плещеевъ уѣхалъ, я долго проневогъ и, между тѣмъ, разсудилъ оставить оное до удобнѣйшаго случая, который и подлинно скоро мнѣ представился, какъ опишу я въ своемъ мѣстѣ.

Государь изволилъ прибыть въ Москву на короткое время для коронаціи.

Во время пребыванія Его въ Москвѣ общее собраніе составляли 1, 5 и 6-й Департаменты. Въ Собраніи семъ Государь изволилъ быть однажды и очень долго.

Въ присутствіи Его Величества разсматривали мы дѣло по жалобамъ о сборахъ въ одной Губерніи въ пользу нѣкоторыхъ чиновниковъ, и для угощенія Губернатора и разныхъ проѣзжающихъ знатныхъ лицъ. При семъ было между нами разсужденіе вообще о такихъ угощеніяхъ и о подносѣ хлѣба-соли. Одни находили это дозво-лительнымъ, а другіе нѣтъ—и я въ числѣ былъ послѣднихъ. Съ двумя изъ важныхъ Сенаторовъ вышелъ у меня громкой споръ:—какъ,—гово-рили они мнѣ, по обычаю хлѣба-соли не принимать, или не пріѣхать на обѣдъ, когда приглашаютъ?—Вы сами много ѣздили по Губерніямъ, неужели не принимали вы хлѣба-соли и не ѣздили на званые обѣды?—Всегда я принималъ и приму, отвѣчалъ я хлѣбъ печеной и

жалнія неосторожные и часто усердные доносители, и на такіе то случаи весьма кстати по мнѣнію моему, обращаемъ можетъ быть самымъ правосудіемъ, столько же строгимъ, сколько и челоуѣколюбивымъ изрѣченный законъ, что лучше безъ совершеннаго удостовѣренія десять виновныхъ простить, нежели осудить на казнь одного невиннаго.

„Но настоящее дѣло, преступленіе въ себѣ заключающее, со всѣхъ сторонъ представляется принадлежащимъ къ такому роду дѣлъ, кои свой источникъ пріемлютъ отъ людей зловредныхъ и коихъ отношенія могутъ имѣть вліянія для общаго спокойства оскорбительныя; а потому я считаю приличнѣйшимъ, дѣло сіе для надлежащаго окончанія представить разсмотрѣнію извѣстнаго комитета, учрежденнаго Высочайшимъ указомъ, дан-нымъ Правительствующему Сенату въ прошломъ 1807-мъ году генваря въ 13-й день.“

какуюнибудь глиняную, или серебряную рублей въ пятюкъ солонку; обѣдать пойду ко всякому, начиная отъ перваго чиновника въ Губерніи до послѣдняго купца;—но не приму я хлѣба-соли, ежели поднесутъ мнѣ ее на золотомъ блюдѣ и въ осыпанной алмазами солонкѣ; подь какимъ видомъ можно выдумать способъ и большую деревню поднести. Такъ же не соглашусь я на праздникъ для меня, про который узналъ я, что въ тягость будетъ тому, отъ кого онъ мнѣ дается; а если свѣдаю, что собирается давать его цѣлый городъ, причемъ обыкновенно дѣлается денежный сборъ, то поспѣшу запретить и пресѣчь какъ злоупотребленіе.

Одинъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинской держалъ мою сторону. Статью о сборахъ на угощеніе и проч. въ оной Губерніи положили мы изслѣдовать по порядку судомъ; что и Государь подтвердить изволилъ; а о хлѣбѣ-соли только поговорили. Но на другой, или на третій день, издавъ Имянной указъ, коимъ повелѣвается, съ очень подробнымъ изъясненіемъ, отнюдь ничего не подносить и не принимать въ хлѣбъ-соль.

При семъ осмѣливаюсь сказать, что намѣреніе указа сего изящное, но въ разсужденіи долгимъ временемъ укоренившася обычая, легче обуздать злоупотребленія могущія происходить посредствомъ подноса хлѣба и соли въ вещахъ драгоцѣнныхъ, нежели совсѣмъ перевести простоты нравовъ—обычай въ хлѣбъ-соль подносить вещи, подносицамъ ничего почти нестоющія, какъ-то, на примѣръ:—плоды и тому подобное.

Я думаю, что чѣмъ труднѣе обязательства закона, тѣмъ осторожнѣе издавать его должно. Ничто столько не ослабляетъ силу законовъ, какъ ихъ неисполненіе; а требовать исполненія невозможнаго, или крайне труднаго, есть только умножить виновныхъ.

Еще громкое тогда было дѣло въ общемъ собраніи Сената, но не въ присутствіи въ немъ Государя, Н. П. А—ва съ нѣкоторымъ Малышевымъ, по условію о запроданномъ имѣніи и проч., рѣшенное 3-мъ Департаментомъ и по жалобѣ А—ва внесенное въ общее собраніе.

Я ничего не зналъ объ этомъ дѣлѣ, хотя вездѣ объ немъ говорили, но я всегда отмѣнно нелюбопытенъ былъ знать чужія дѣла такого рода, признаться, что часто изъ благопристойности слушаю ихъ,

не слышу. Рассказывали мнѣ объ немъ нѣкоторыя барыни, только я не слушалъ, какъ говорю, ихъ разговоровъ, или не понималъ ихъ. Помню только, что они А—ва и казнили и вѣшали, сказывая, что и самъ Государь расположенъ противъ него.

На другой день послѣ сихъ рассказовъ, пріѣхавши въ общее собраніе, примѣтилъ я, что они не совсѣмъ неправду говорили. Генераль-Прокуроръ сказалъ мнѣ, что рѣшеніе 3-го Департамента святое и что я конечно съ нимъ согласенъ буду. Посмотрю, отвѣчалъ я, если найду справедливымъ, то вѣрно соглашусь.

Только что сѣли мы на свои мѣста, читаютъ Имянной указъ о разсмотрѣніи онаго дѣла въ общемъ Собраніи, а затѣмъ вслѣдъ и дѣло стали докладывать. Необыкновенная такая поспѣшность удивила меня, и подтвердила мнѣ о томъ, что подлинно уже заключеніе о дѣлѣ сдѣлано. Я спрашиваю Оберъ-Секретаря, для чего онъ такъ спѣшить?—приказано,—отвѣчалъ онъ мнѣ тихонько.

Изъ всего увидѣлъ я, что дѣло это трактоваться будетъ не безъ предубѣжденій, шумно—и какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, въ которыхъ принялъ я за правило сказать, или записать свое мнѣніе—да, и какъ изволятъ.—А потому, сохраняя слабую грудь свою отъ напраснаго спора и крика, взялъ я поскорѣе короткую изъ дѣла записку, и увидѣвъ изъ нее, что А—въ по законамъ правъ, тутъ же написалъ въ пользу его мое мнѣніе, которое и отдалъ Оберъ-Секретарю, сказавъ, что я при немъ и остаюсь. Нѣкоторые Сенаторы изъ знатнѣйшихъ, согласились съ моимъ мнѣніемъ, только другими словами. Большинство же голосовъ было противъ; а объ иныхъ, Генераль-прокуроръ, вѣроятно, прежде отобравъ ихъ мнѣніе, приказывалъ такъ записывать: „ну пиши братецъ, что онъ согласенъ съ 3-мъ Департаментомъ.“

Замѣчательно было то, что послѣ А—вы, узнавъ о моемъ голосѣ, удивили крайнею благодарностію князя П. В. А., считая, что онъ по знакомству своему съ ними, непременно убѣдилъ меня къ тому моею просьбою, а я отъ него не слыхалъ о дѣлѣ ихъ ни слова, и, помнится, не успѣлъ еще тогда и видѣться съ нимъ по пріѣздѣ его изъ Петербурга. Изумились они, какъ князь имъ это сказалъ. Они не привыкли видѣть часто такихъ нелицепріятій въ случаяхъ подобныхъ ополченій, и, особливо, не ожидали отъ меня потому, что никогда не былъ я съ ними въ пріятельскихъ связяхъ, а съ большимъ Ар—мъ было у насъ по службѣ Московской нѣкоторое неудовольствіе.

Государь предъ возвращеніемъ своимъ въ Петербургъ, изволилъ послать меня съ Юрьемъ Александровичемъ Нелединскимъ-Мелецкимъ осмотрѣть Слободско-украинскую губернію и произвести въ ней нѣкоторыя изслѣдованія.

Сей товарищъ мой, весьма извѣстный по рѣдкимъ дарованіямъ его разума и столько же благородствомъ души отличающійся, имѣлъ ко мнѣ довѣренность уже до пристрастія. Онъ, конечно, сдѣлалъ бы все и сдѣлалъ не хуже меня, но ни во что не входилъ изъ сказаннаго мною пристрастія, и—даже можно сказать ослѣпленія, при всей необыкновенной остротѣ его ума. Не только во всемъ соглашался онъ со мною, но не хотѣлъ, чтобъ я и требовалъ его согласія, хотя не преставаъ я требовать онаго во всемъ.

При семъ то осмотрѣ Губерніи, открылся мнѣ случай сдѣлать давно лежавшее у меня на сердцѣ представленіе о злоупотребленіяхъ, могущихъ произойти отъ постановленія Сената по дѣламъ уничтоженной тайной экспедиціи.

Въ тюрьмѣ Уѣзнаго Города Богучары, между колодниками увидѣлъ я одного въ оковахъ на рукахъ и на ногахъ, имѣющаго еще замѣтное по чертамъ благонравіе и по глубокому на немъ унынію. Когда я подошелъ къ нему, то онъ, зарыдавъ, повалился мнѣ въ ноги и просилъ, чтобъ избавить отъ гибели его съ дѣтми, коихъ у него было 11-ть; успокаивая его надеждою на милосердіе Императора, спросилъ я, по какому содержится онъ дѣлу и гдѣ оно?—По секрету,—сказалъ мнѣ на ухо Городничій,—а дѣло въ уѣздномъ Судѣ.

Я велѣлъ привести его ввечеру къ намъ на квартиру, а уѣздному судѣ съ Секретаремъ принести все дѣло. Поговоря съ колодникомъ, рассмотрѣли мы съ товарищемъ дѣло, и нашли, что содержаніе его самое глупое, и что судимый не заслуживаетъ никакого наказанія, однако по порядку законному долженъ быть непременно обвиненъ и наказанъ вмѣсто смертной казни.

Въ праздничный день добрый однодворецъ этотъ, зашелъ въ питейной домъ выпить чарку вина. Тутъ же случился отпущенный въ домовый отпускъ матросъ, который за разныя шалости отданъ былъ въ рекруты изъ того же селенія, когда братъ однодворца былъ головою. По старой злобѣ на брата, сталъ матросъ къ однодворцу придирается. Смирный однодворецъ отмалчивался; и только сказалъ глупую

простолюдинскую пословицу, которой по непристойности въ ней словъ нельзя написать, матросъ переговоровъ и ея иначе, закричалъ: „такъ-то говоришь“, и донесъ начальству на одиодворца въ словахъ оскорбительныхъ Царскому Величеству, коихъ одиодворецъ и не говорилъ. Десять свидѣтелей подтвердили доносъ клеветника.

По законамъ должно основываться на свидѣтельскихъ показаніяхъ, когда обвиняемый не можетъ ихъ ничѣмъ отвести; т. е. не можетъ доказать, чтобъ они по враждѣ на него, или почему ни есть, могли имѣть причину свидѣтельствовать ложно.

Но можетъ ли это всегда доказано быть?—Иногда человѣкъ имѣеть себѣ такихъ непріятелей, которые готовы на него все всклепать и всякое зло сдѣлать; но онъ ничѣмъ такого расположенія ихъ доказать не можетъ. У меня перваго не безъ такихъ—и у многихъ конечно. Сверхъ того можетъ иногда свидѣтель ложно сказать и потому только, что или не такъ ему слышалось, или забылъ точныя слова, или не такъ ихъ понялъ, а въ подобныхъ дѣлахъ иные и отъ робости, отъ торопливости, не вслушавъ, наговорять ложь.

Потому то я думаю, что справедливо обвинять можно по свидѣтельству такихъ только свидѣтелей, которые не только не имѣютъ причины, но и не могутъ лжесвидѣтельствовать.

Не имѣя власти уничтожать дѣло, велѣли мы одиодворца опять отвести въ тюрьму, только уже безъ оковъ, которые велѣлъ я съ него снять, прежде для того, что не прилично, говорилъ я городничему, въ спальню къ сенаторамъ вводить скованнаго, а послѣ обнадежилъ я его что колодникъ не уйдетъ. Уѣздному же Судѣ приказалъ я подать намъ при секретномъ рапортѣ выписку изъ сего дѣла, поручивъ проворному Секретарю поскорѣе это исполнить.

Отпустивъ ихъ я принялся писать донесеніе Государю, для отправленія по отходившей утромъ на другой день почтѣ. Черезъ нѣсколько минутъ острый Секретарь вбѣжалъ ко мнѣ, спрашиваетъ, прикажу ли я и законы выписать?—Знавъ коротко, какъ въ уѣздахъ водится, я тотчасъ право догадался, для чего онъ меня спрашиваетъ, и сказавъ, что когда дѣлается выписка, то порядокъ требуетъ, чтобъ и законы приведены были, говорилъ я ему: скажи мнѣ правду, для чего ты объ этомъ спрашиваешь?—Для того, Ваше Превосходительство, от-

вѣчалъ мнѣ бойкій Секретарь, что по данной вамъ власти не угодно ли будетъ—завтра при васъ приказать и эзекуцію сдѣлать.

Нарочно описалъ я сіе, чтобъ показать образъ мыслей и расположеніе о дѣлахъ сего рода по уѣздамъ и Губерніямъ, въ коихъ было оныя о большей части народа и оканчивать начали.

О дѣлѣ однодворца написалъ я отъ обоихъ насъ съ товарищемъ Государю донесеніе, въ коемъ въ надеждѣ на его человѣколюбіе, представляли мы о семъ дѣлѣ, какъ о незаслуживающемъ уваженія, однако такомъ, которое по законамъ не можетъ быть уничтожено; и судьба страждущаго не можетъ быть облегчена иначе, какъ властію Императорскою, а по сдѣланному Сенатомъ о дѣлахъ сего рода постановленію, дѣло оное не можетъ дойти до Его Величества, и что мы, приказавъ продолжать слѣдствіе по точному обряду законовъ, осмѣлились предписать Губернатору, что когда оно внесется къ нему на разсмотрѣніе, то бы онъ никакого не дѣлалъ по оному исполненія до полученія Высочайшаго указа.

Къ находящемуся же тогда при Государѣ Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому послали мы для объясненія при докладѣ выписку изъ дѣла—а я приложилъ къ нему для поднесенія къ Государю записку, съ пространнымъ разсужденіемъ моимъ о дѣлахъ сего рода и о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя могутъ выдти отъ самаго уничтоженія тайной Экспедиціи,—какъ описывалъ я выше.

Въ запискѣ моей представлялъ я, съ какою тонкостію разбирать должно дѣла, особливо о *словахъ*, которые иногда означать могутъ рѣшительное расположеніе ко злу, иногда еще нерѣшительное, а иногда произносятся только отъ вѣтренности, или невѣжества и проч., чего однако же законы не различаютъ,—но, что, впрочемъ, сколь ни строги у насъ законы на дѣла сего рода, только я думаю, что по уваженію ко всѣмъ отношеніямъ нравовъ и состоянія народнаго, неудобно спѣшить ихъ перемѣною, а всего лучше повелѣть всѣ по первымъ двумъ пунктамъ дѣла, по коимъ обвиняются люди, представлять Сенату и Его Величеству, дабы и справедливость въ производствѣ ихъ точнѣе соблюдаема была, и Государь бы имѣлъ способы въ отраду челоувѣчества являть небесное свойство Милосердія, особливо въ дѣлахъ до оскорбленія лица Его касающихся и проч. и проч.

Представленіе сіе принято было человѣколюбивымъ Государемъ съ отличнымъ благоволеніемъ, и на другой же день по полученіи его

(14-го генваря 1802-го года) поскакалъ въ Харьковъ курьеръ съ повелѣніемъ немедленно освободить однодворца; а Сенату данъ указъ, чтобъ всѣ дѣла сего рода подъ названіемъ преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ извѣстные, согласно оному представленію внести въ Правительствующій Сенатъ; а ему съ мнѣніемъ своимъ однако жъ о каждомъ доносить Его Императорскому Величеству и ожидать утвержденія.

Отъ 20-го Генваря увѣдомилъ меня о семъ Д. П. Трощинскій слѣдующимъ письмомъ:

„Изъ Всемиловѣйшаго рескрипта Вашему Превосходительству вмѣстѣ съ Юріемъ Александровичемъ даннаго, вы изволили уже видѣть съ какимъ расположеніемъ Его Императорскимъ Величествомъ приняты донесенія ваши обо окончаніи порученнаго вамъ въ Слободско-Украинской губерніи слѣдствія. Послѣднее ваше донесеніе объ однодворцѣ Саласинѣ, судившемся въ Богучарскомъ уѣздѣ, не меньше привлекло на себя Монаршее вниманіе, и вслѣдствіе онаго не только данъ указъ объ освобожденіи однодворца сего, но и вообще предписано дѣла сего рода не вершить въ губернскихъ мѣстахъ, но по ревизіи ихъ представлять въ Правительствующій Сенатъ, а ему доносить Государю Императору. Принося Вашему Превосход. истинную благодарность мою за всѣ благосклонныя выраженія и знаки довѣренности, коими угодно было вамъ почтить меня во все теченіе дѣла сего, считаю себѣ пріятнымъ долгомъ соединить съ вами совершенное мое удовольствіе, что труды и просвѣщеніе ваше обратили на себя Монаршее благоволеніе и проч.“

Всегда благодарю я Бога за оное сдѣланное мною представленіе, которымъ помогъ онъ конечно многимъ избавиться отъ бѣдъ.

Товарищъ мой, который по окончаніи осмотра нашего почти прямо поѣхалъ въ Петербургъ по своимъ надобностямъ, писалъ оттуда ко мнѣ: „дѣло Саласина (секретное въ Богучарѣ) не только рѣшилось къ его избавленію личному, но и будетъ имѣть вліяніе на всѣ прочія таковыя же дѣла, изъ которыхъ по поводу сего многіе уже, — сказывалъ мнѣ Дмитрій Прокофьевичъ *), — рассмотрены и привели въ удивленіе“.

---

*) Трощинскій.

Случай оной въ Богучарѣ былъ уже на возвратномъ пути нашимъ въ Москву изъ Харькова, откуда и донесенія всѣ объ осмотрѣ Губерніи нами уже отправлены были.

Осмотръ сей удостоился личнаго благоволенія Монаршаго и мы имѣли счастье получить слѣдующій рескриптъ.

„Господа Тайные совѣтники и Сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! съ совершеннымъ удовольствіемъ получилъ я послѣднее донесеніе ваше объ оконченномъ вами слѣдствіи по жалобамъ жителей Богучарскаго уѣзда. Производства сего дѣла, исполненіе и другихъ порученій, а особенно вамъ отъ меня данныхъ, собственныя ваши примѣчанія на всѣ части Слободско-Украинской Губерніи, дѣлаютъ честь вашему просвѣщенію, правотѣ и видамъ справедливаго человѣколюбія. Изъявляя вамъ за сіе благодарность и приѣмля за благо всѣ представленія ваши, я далъ надлежащія по тому предписанія, а въ уваженіе свидѣтельства вашего пожаловалъ харьковскаго Вице-Губернатора Статскаго Совѣтника Картвелина въ Дѣйств. Стат. Совѣтники, Директора училища коллежскаго ассесора Кудрицкаго въ надворные совѣтники и сверхъ того опредѣлилъ ему въ пенсіонъ кромѣ жалованья 250 рублей;—въ подкрѣпленіе самому Училищу приказалъ отпустить 5 т. руб., предполагая и впредь давать ему вспоможеніе. Титулярнаго совѣтника Шишкина утвердилъ въ Харьковѣ Городничимъ и находящихся при васъ чиновниковъ Щепина, Добачевского и Яковенкова произвелъ слѣдующими чинами. Пребываю вамъ благосклонный.

„На подлинномъ: Александръ

„въ С. Петербургѣ

„Генваря 14-го 1802 года“.

Случившееся при осмотрѣ Слободско-Украинской Губерніи, касательно называющихся духоборцами, требуетъ такъ же особливаго и подробнѣйшаго описанія.

Проѣзжая вмѣстѣ съ товарищемъ въ Харьковѣ, остановились мы на сутки въ Бѣлгородѣ, гдѣ обѣдали у Архіерея. Вспомня, что при покойной Императрицѣ Екатеринѣ поручено ему было увѣщаніе находившихся въ тамошнихъ окрестностяхъ Духоборцевъ, полюбопытствовалъ я обстоятельно объ нихъ узнать отъ него. Нашедъ въ семъ пастырѣ только судью имъ самаго строгаго, коего и горячность излишняя въ разговорѣ мѣшала ему удовольствоваться мое любопытство,

прервалъ я разговоръ. Тутъ же обѣдалъ одинъ чиновникъ бывшій Земскимъ Исправникомъ во время розысковъ надъ Духоборцами, который помогалъ хозяину бранить ихъ.

День былъ зимній самый ясный. Послѣ обѣда пошелъ я по городу прогуливаться съ онымъ чиновникомъ и спрашивалъ его наединѣ о Духоборцахъ.—Повѣсть его состояла только въ брани-же.—Да изволите ли вы ихъ знать, спросилъ онъ меня?—„Нѣтъ“,—и подлинно мнѣ тогда не случалось ни одного изъ нихъ видѣть.—Извольте жъ ихъ посмотрѣть, продолжалъ онъ, похожи ли хоть мало на христіанъ, кровинки въ лицѣ нѣтъ; они злодѣи и въ церкви хаживали, да полно, что—въ церкви стоятъ, и не то думаетъ. Только бывала и отрада душѣ, что оттуда ихъ вытащимъ, да въ однихъ рубашкахъ палочьемъ дуемъ.—

„Почему жъ, спрашивалъ я его, знать было вамъ, что они думаютъ?“—Какъ же-съ,—это видно,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я видѣлъ, что говорить съ нимъ больше нечего, и уже довольно узналъ, какъ поступали съ этими людьми. Скоро имѣлъ я случай съ нѣкоторыми изъ нихъ разговаривать.

Пріѣхавши въ Харьковъ, между прочими вѣдомостями потребовалъ я особливую вѣдомость и о томъ, что происходило и происходитъ съ Духоборцами живущими въ тамошней губерніи.

Губернаторъ подалъ мнѣ вѣдомость, при немъ читая ее, нашелъ я, что въ царствованіе покойной Императрицы нѣкоторые изъ нихъ взяты были въ тѣсныя заточенія и не возвратились.—А при Государѣ покойномъ всякій Генераль-Прокуроръ вслѣдствіи Губернаторскихъ представленій объявлялъ Имянной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми Семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу; и сослано было ихъ такимъ образомъ не одно сто.

Всегда сопровождаемая мудрою терпимостію, благодать воцарившаяся въ Государѣ Императорѣ Александрѣ 1-мъ, отверзла всѣ темницы въ Россіи и страдальцы оные освободились. Велѣно было ихъ водворить въ прежнія жилища и оставить въ покоѣ; предоставляя въ случаѣ нужды духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, но безъ всякаго принужденія.

Въ Августѣ возвратились они въ свои дома, или лучше сказать на мѣста опустошенныхъ домовъ своихъ, а въ Октябрѣ по отзывамъ нѣкоторыхъ поповъ и чиновниковъ Земской Полиціи начали ихъ опять увѣщевать. И для того отряжены были Епархіальнымъ Архіереемъ, два ученѣйшіе какъ въ вѣдомостяхъ было сказано, священника и земскаго суда засѣдатель съ командою.

„Вы сдѣлаете бунтъ, говорилъ я губернатору, люди не успѣли вздохнуть спокойно—а ихъ опять тревожать“. Губернаторъ извинялся тѣмъ, что распоряженіе о увѣщаніи ихъ сдѣлано въ его отсутствіи, но, что конечно никакихъ безпокойныхъ слѣдствій оно имѣть не будетъ. „За послѣднее вы отвѣчать будете, сказалъ я ему, и прикажите командѣ воротиться; а чтобъ священники теперь погодили трудиться, о томъ поговорите съ преосвященнымъ“.

Это происходило у меня съ губернаторомъ ввечеру поздно.

На другой день который былъ почтовой, по утру, только что я сѣлъ писать на почту, вбѣжалъ ко мнѣ Губернаторъ съ бумагами въ рукахъ, говорить мнѣ: Ваше превос-во отгадали—въ Изюмовскомъ уѣздѣ (гдѣ происходило увѣщаніе) бунтъ, и я пропалъ: Духоборцы не слушаются, говорятъ, что они Государя помазанникомъ Божиимъ не признають, Распятому Господу Иисусу Христу не поклоняются и никакихъ податей платить не хотятъ. Вотъ о семъ секретный рапортъ ко мнѣ отъ засѣдателя съ нарочнымъ, при которомъ приложенъ и напѣвъ ихъ (пѣснь или псаломъ дурными стихами сочиненный) доказывающей ихъ безбожіе. Нѣкоторые изъ нихъ взяты подъ стражу и земскій судъ отправился на мѣсто для слѣдствія“.

Успокаивалъ я Губернатора надеждою, что мы этотъ бунтъ не только укротимъ да и предупредимъ; совѣтовалъ ему остерегаться и меньше робѣть.

„Что прикажете дѣлать?“—спрашивалъ онъ меня.—А вотъ что, сказалъ я ему, повѣрьте, что это все произошло отъ того, что стали увѣщевать этихъ людей не во время, безъ нужды, не искусно; ожесточили ихъ и не такъ поняли; доказательство тому самой присланный къ вамъ напѣвъ ихъ; читайте его: онъ присланъ въ обличеніе ихъ невѣрія къ Спасителю, а преисполненъ благоговѣнія къ нему*); вѣрно

*) Въ напѣвѣ семь написано было; поклоняемся Христу не мѣдному не серебряному, не золотому не кованному и не шптому и не писанному, а Христу Сыну Божію, Спасу міра и пр. и пр.

ихъ спрашивали, что думаютъ они о коронаціи, которая недавно была. Извѣстно, что обрядовъ они ни какихъ не уважаютъ, что конечно и о семъ надлежащаго понятія не имѣютъ; да какая же нужда всякаго теперь мужика, который встрѣтится, спрашивать, что онъ думаетъ о коронаціи.

„Вѣрно ихъ заставляли кланяться образу и они по своимъ понятіямъ не послушались. Вѣрно ихъ спрашивали будутъ ли платить подати?—Они будучи теперь разоренные, нищія ожесточились такимъ вопросомъ, и пр.

„Итакъ вотъ что вы сдѣлайте: пошлите тотчасъ туда нарочнаго; прикажите всѣхъ взятыхъ подъ стражу освободить; донесеніе о увѣщаніи припишите тому, что не такъ ихъ поняли, какъ и подлинно; земскому суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что онъ въ такомъ дѣлѣ, не описавшись къ вамъ и безъ вашего наставленія осмѣлился отправляться для слѣдствія на мѣсто; прикажите ему съ командою тотъ-часъ вѣхать въ городъ, а засѣдателью явиться сюда къ отвѣту; о возвращеніи же увѣщателей священниковъ извольте отнестись офиціально къ преосвященному, а мы на нынѣшней же почтѣ донесемъ о всемъ томъ Государю.“

Губернаторъ вышелъ отъ меня исполнять порученное, а я началъ писать донесеніе Государю.

Товарищъ мой тогда былъ нездоровъ и спалъ еще когда онъ проснулся, я ему все рассказалъ и прочиталъ заготовленное мною донесеніе. При благоразуміи своемъ и человѣколюбіи, находилъ онъ поступокъ мой слишкомъ рѣшительнымъ и снисходительнымъ; и при всей неограниченной ко мнѣ довѣренности, этотъ разъ согласился онъ кажется только изъ нѣкоторой нѣжности особство его характеризующей.

Первое донесеніе наше о семъ Государю было слѣдующее.

„Изъ Харькова 12-го ноября 1801-го года.

„Высочайшее Вашего Императорскаго Величества имѣя повелѣніе обратить здѣсь вниманіе на всѣ предметы заслуживающіе уваженіе, особливимъ долгомъ поставили мы обратить оное на происшедшее по Изюмскому уѣзду, относительно такъ называемыхъ Духоборцевъ; о семъ подробно изъясняя въ представленной у сего

выпискѣ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доносимъ слѣдующее.

Прежде нашего сюда прїѣзда, начальство здѣшнее отъ избытка конечно усердія, но не проникнувъ въ прямое существо Высочайшаго, о духоборцахъ оныхъ, указа Вашего, Государь, предприняло ихъ увѣщевать и обращать едва только освободившихся отъ тяжкихъ узъ, разрѣшенныхъ милосердіемъ и мудрою терпимостію, воцарившимися въ Священной Особѣ Вашего Императорскаго Величества.

При ономъ нарядномъ увѣщаніи, вопросы неискусно конечно сдѣланные, безвременные и ненужные, исторгли изъ увѣщаемыхъ отзывы, какъ доносятъ увѣщатели, противные вѣрноподданническимъ обязанностямъ. Но весьма вѣроятно, что вновь раздраженный фанатизмъ отвѣтствовавшихъ, прежними ихъ бѣдствіями угнетенныхъ и разоренныхъ, облекъ слова ихъ жестокостію, и въ сердцахъ несуществующею, или недостаточное просвѣщеніе увѣщателей превратило ихъ поняло, а предразсудокъ уже противъ говорившихъ, представилъ имъ оныя въ краскахъ гораздо больше черныхъ, нежели онѣ въ самомъ дѣлѣ суть.

Такое заключеніе, думаемъ мы, основательно можно дѣлать, Всемилостивѣйшій Государь, изъ самаго противорѣчія, находящагося въ донесеніяхъ увѣщателей, относительно къ образу мыслей духоборцевъ оныхъ въ Религіи; ибо между прочими статьями доносятъ, что они распятому Господу Иисусу Христу не поклоняются, а въ нѣкоторомъ, такъ называемомъ напѣвѣ, (находящемся въ прилагаемой выпискѣ) котораго нелѣпость въ свидѣтельство ихъ беззаконія приводятъ, все показываетъ вѣру и благоговѣніе оныхъ людей къ воплощенію Господню. Заключеніе оное подкрѣпляемъ еще мы тѣмъ, что въ прилежныхъ съ ласковостію разговорахъ нашихъ съ нѣкоторыми изъ такихъ же духоборцевъ въ харьковскомъ уѣздѣ, несомнѣнно открыли мы, при чувствахъ особенной благодарности же Вашему Императорскому Величеству—готовность повиноваться Монаршей власти и всѣ земскія обязанности исполнять.

По вышедонесенному слѣдствію увѣщанія, Изюмской Нижней земскій судъ, движимый необузданною ревностію и неопытностію, конечно, въ подобныхъ дѣлахъ, поспѣшилъ отправиться на мѣсто въ то селеніе гдѣ происходило оное увѣщаніе, для изысканія и производства изъ того криминальнаго дѣла, и о таковомъ опредѣленіи своемъ донесъ Губернатору съ нарочнымъ. Когда Губернаторъ насъ о томъ увѣдомилъ,

то мы за долгъ сочтя весьма обратить на случай сей вниманіе, сообразно, думаемъ, Августѣйшей благотворной волѣ Вашего Императорскаго Величества и дѣйствительнымъ средствамъ сохраненія общаго спокойства, толико драгоценнаго отеческому сердцу Вашему, настояли, чтобъ все оное приписано было недоумѣнію и неискусству увѣщателей, всякое тѣмъ слѣдствіе и розыскъ были бы тотчасъ пресѣчены, чтобъ никакого никому стѣсненія по сему дѣлу ничего не было, если кто взять подъ стражу, то нимало не мѣшкавъ былъ бы освобожденъ, а что по время полученія сего отвѣтнаго предписанія уже произошло, о томъ бы для надлежащаго уваженія обстоятельно судъ рапортовалъ и ожидалъ повелѣнія, какъ то означено въ предписаніи Губернаторскомъ, въ копіи находящемся въ прилагаемой выпискѣ. А Губернаторъ бы донесъ Вашему Императорскому Величеству для Высочайшаго благоусмотрѣнія.

Настояніе о такомъ поступкѣ въ случаѣ семъ отъ главнаго здѣсь начальства сочли мы за нужное, дабы не воспалить фанатизмъ, котораго лучшая пища есть броситься въ огонь и оковы, всего больше его усиливающія и распространяющія, и дабы отвратить непремѣнное принесеніе жертвъ невинности, или невѣжества крайней строгости правосудія, не могущаго тутъ дѣйствовать съ пользою и успѣхомъ. Еще и потому разсудили мы, за правильное такъ сдѣлать, что образъ мыслей оныхъ духоборцевъ давно уже испытанъ правительствомъ, чрезъ прежніе розыски по тайной экспедиціи, которую упразднила именемъ и дѣйствіемъ такъ же великодушная благодѣтельность Вашего Императорскаго Величества, которая и людей оныхъ изъ заточенія освободила.

Долгомъ также почитаемъ мы, касательно увѣщанія и вообще обхожденія съ оными духоборцами (коихъ всѣхъ здѣсь небольшое число) изъяснить здѣшнему начальству Августѣйшую волю Вашу, Государь, изображенную въ доставленныхъ намъ о томъ документахъ, такъ, что въ повелѣніи предоставлять духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, безъ всякаго съ ихъ стороны принужденія, не должно разумѣть безвременныхъ, нарядныхъ, въ видѣ суда, образомъ смущать и устрашать могущимъ, производимыхъ увѣщаній, но дѣлать то кстати, наблюдая расположеніе, стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церквахъ священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искусствомъ благодѣтельности, какъ истиннымъ благочестіемъ и усердною любовію къ закону Божию и евангельскому ученію, жизнью своею свидѣтельствующихъ чувствованія

свои и правила. Таковые Пастыри, естественно, вкореня о себѣ добрыя мѣнїя, привлекутъ къ себѣ довѣренность, найдутъ время, случай и мѣсто къ бесѣдамъ своимъ, и самыми простыми способами откроютъ пути къ подѣйствованію на сердца ихъ и умы, желающія просвѣщенія и къ закону Божию внутренно ревностные, но заблуждающіеся въ образахъ и средствахъ. Что же касается до вѣрноподданческаго долга и обязанности то, слѣдую мудрому Вашего Императорскаго Величества соизволенію при обхожденіи съ ними съ кротостію и терпѣніемъ, требовать отъ нихъ, какъ отъ всѣхъ вообще, исполненія обязанностей предписанныхъ указами Вашего Императорскаго Величества и Государственными законами по общему гражданскому и земскому состоянію, а съ неисполняющихъ оныя чинить взысканія по тѣмъ же законамъ, не входя въ мысленные источники и причины неисполненія, есть ли же бы кто на дѣлѣ оказался прямо возмутителемъ противу власти и общаго спокойства, съ тѣмъ поступать по всей точности и строгости законовъ.

Не оставимъ мы Всемилостивѣйшій Государь устремлять своего вниманія на оное дѣло, во время бытности нашей въ здѣшной губерніи, для исполненія Высочайшихъ порученій намъ отъ Вашего Императорскаго Величества, которыя всѣ стараемся со всякою рачительностію наилучшимъ образомъ исполнять и о всемъ будемъ въ свое время доносить Вамъ Государь съ искренностію и откровенностію, свойственнымъ безпредѣльному усердію, съ коимъ повергаемъ къ священнымъ Вашимъ стопамъ.

Возвратившіеся увѣщатели подтвердили мою догадку.

Въ Отчетѣ своемъ сказали они, что подлинно первый отъ нихъ вопросъ духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы неимѣющіе къ обрядамъ уваженія не могли сдѣлать имъ отвѣта удовлетворительнаго: а сказали, что они всякаго Царя почитаютъ отъ Бога постановленнымъ, доброгo—даромъ Божиимъ, а злого—бичемъ за грѣхи. Поставили предъ нихъ образъ Спасителявъ, и спрашивали ихъ вѣруютъ ли они въ предстоящаго распятаго предъ ними Спасителя? Духоборцы отвѣчали: это не Спаситель, а доска расписанная. Наконецъ ихъ спрашивали: будутъ ли они платить подати и рекрутъ ставить?—Они съ досадою говорили: мы нищіе, чѣмъ намъ подати платить! Какіе отъ насъ рекруты, остался старый да малый, да изувѣченный. Мы прежде служили Государю, а теперь, власть его,—не можемъ.

Скоро собралось у насъ много духоборцевъ. Нѣсколько ихъ пришло изъ Екатеринославской Губерніи. Хотя для порядка сохранилъ я въ

дѣлѣ ихъ форму секретнаго производства; однако, чтобъ не подавать видовъ, случающихся и привлекающихъ излишнее отъ народа любопытство, говаривалъ я часто съ ними при всѣхъ, и обыкновенно ходили они ко мнѣ всякій день по утру. Они очень полюбили меня и говаривали со мною откровенно.

Кромѣ безмѣрныхъ, фанатическихъ, можно сказать, предрасудковъ, противъ всякой наружности, и сектическаго особничества, нашелъ я въ нихъ понятія о христіанствѣ самыя коренныя и правильныя, сила духа вѣры въ нихъ весьма замѣчательная и общая. Никто, почти, изъ нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько, писать изъ многихъ бывшихъ тогда у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякій о законѣ говорить, какъ книга.

Соглашаясь съ ними и по справедливости въ томъ, что все существованіе заключается во внутреннемъ, убѣждалъ я ихъ надобности и пользы ходить въ храмы, исполнять всѣ внѣшнія обязанности и повиноваться всѣмъ уставамъ церковнымъ; дѣлайте это, говорилъ я имъ, хотя изъ любви къ ближнему, безъ которой не можно быть христіаниномъ,—дѣлайте это по крайней мѣрѣ для того, чтобъ ближнихъ вашихъ не вводить въ грѣхъ отвращенія отъ васъ и вражды. Да для чего жъ, спрашивалъ я ихъ перестали вы ходить въ церковь? Вѣдь вы прежде ходили и все исполняли какъ и прочіе.

„Признаемся, отвѣчали они мнѣ, въ грѣхѣ своемъ, что перестали ходить отъ досады и теперь не можемъ переломить себя.—Отъ какой же досады?—Ну да, какъ насъ начали изъ церквей-то таскать, да въ однихъ рубашкахъ бить палочьемъ, приговаривая, въ церкви стоишь, а не то думаешь“.

Что они не лгали, въ томъ я очень увѣренъ былъ отъ самаго Г. бывшаго исправника, которой мнѣ хвалился, такую палочную противъ ихъ войною и которой почиталъ христіанами только тѣхъ, у кого въ щекахъ румянецъ играетъ.

Наконецъ Духоборцы подали намъ прошеніе, въ коемъ изъясляли—намъ свою вѣрность и усердіе къ Государю, просили исходатайствовать имъ позволеніе отдѣлиться въ особое поселеніе.

Въ слѣдствіе сего написали мы къ Государю включаемое здѣсь донесеніе.

Изъ Харькова, Декабря 3-го дня, 1801-го Года.

Въ слѣдствіе нашего всеподаннѣйшаго донесенія Вашему Императорскому Величеству отъ 12-го числа Ноября о происшедшемъ въ Изюмскомъ Уѣздѣ по случаю безвременнаго увѣщанія, такъ называемыхъ духоборцевъ, нынѣ за долгъ считаемъ донести, что, продолжая обращать самое прилежное вниманіе на дѣло сіе, всегда находили мы подтвержденіе нашего заключенія о томъ, что безвременное увѣщаніе оное производимо было, и образомъ неискуснымъ, и вопросами неосторожными и напрасными и что отвѣты увѣщаемыхъ не такъ поняты.

Наконецъ самые тѣ изъ оныхъ духоборцевъ, которые наиболѣе и съ такою важностію обвиняемы были, которые и по прежде бывшимъ розыскамъ изъ главныхъ почитались, будучи по настоянію нашему освобождены, на сихъ дняхъ пришли къ намъ оцѣвдать себя, и въ ласковомъ обращеніи, испытывая ихъ лично, мы совершенно удостовѣрились въ справедливости нашего прежняго заключенія. Потомъ, испросивъ позволеніе, они намъ подали прошеніе, которое подтвердили при насъ и при Губернаторѣ здѣшнемъ, и которое мы при семъ осмѣливаемся въ подлинникѣ представить Высочайшему воззрѣнію Вашего Императорскаго Величества. Въ немъ совсѣмъ противное тому, что имъ приписывали, и мы свидѣтели чувствъ ихъ вѣрности, благодарности и почтенія къ Августѣйшей особѣ Вашей, Всемилостивѣйшій Государь, простыми изреченіями въ прошеніи ономъ изображенныхъ.

Давно и довольно долженъ быть извѣстенъ ихъ образъ мыслей, хотя едва ли, когда осмѣлимся сказать, при испытаніи ихъ поступлено было съ полнымъ равнодушіемъ и совсѣмъ должнымъ уваженіемъ къ человѣчеству вообще, безъ различія лицъ, однако, довольно извѣстно, что они приѣмля только духовное поклоненіе и совершеніе таинствъ, единственно духомъ же во внутренности отметають всякую наружность въ Религіи, а посему естественно, что не могутъ они уважать и обрядовъ мѣропомазанія. Но они признають Государей отъ Бога поставленными и за долгъ считаютъ имъ повиноваться, какъ и всѣмъ властямъ отъ нихъ учрежденнымъ. А къ Особѣ Вашего Императорскаго Величества, они, можно сказать, проникнуты признательностію и любовію, и говоря о Вашемъ Величествѣ, всякій разъ прибавляютъ: „Онъ нашъ Государь и человѣкъ добрый и милостивый“. Смѣло повторяемъ мы сіи слова ихъ простодушія, вѣдая, что вѣрно-

подданическая преданность въ простотѣ чувствованій особливо угодна истинно отеческой любви Вашей и великодушной благодати.

Изъ всѣхъ селеній здѣшнихъ духоборцы, гдѣ они есть, и нѣкоторые изъ Новороссійской Губерніи были у насъ, Всемилости вѣйшіи Государь, и всѣ изъявили желаніе отдѣлиться въ особое поселеніе, не назначая никакихъ тому мѣстъ; а въ оныхъ, какъ въ нужномъ имъ для того вспоможеніи, совершенно предаваясь Всемилости вѣйшей волѣ Вашей.

Мы за нужное считаемъ донести о томъ Вашему Императорскому Величеству, предполагая, что не найдется ли какого образа исполненія онаго на общую пользу—Государственную и къ успокоенію самыхъ сихъ людей устраненіемъ ихъ отъ случаевъ и причинъ быть притѣсняемыми иногда невѣжествомъ или безразсудною дерзостію и удаленіемъ ихъ отъ вредныхъ послѣдствій вражды съ прочими поселянами, которые подлинно ихъ не терпятъ, какъ и всѣ почти жители; а при томъ не пресѣкнутся ли, или по крайнѣй мѣрѣ не затруднятся ли чрезъ самое сіе, способы размножаться обращеніемъ къ себѣ другихъ.

Имѣвъ нынѣ довольно случая узнать оныхъ духоборцевъ, осмѣливаемся сказать, что если бы заблагоразсуждено было переселить ихъ въ особыя мѣста, то кажется удобнѣе бы, не учреждая между ними, какъ между прочими поселянами, своихъ волостныхъ Правленій, учредить надъ ними начальство, по примѣру бывшихъ—въ экономическихъ волостяхъ комиссаровъ, или управителей, опредѣляя чиновниковъ честныхъ, добронравныхъ и не суетвѣрныхъ.

Не теряя также по связи общей изъ виду полного присоединенія ихъ къ господствующей въ Россіи православной Церкви, средствами истинному духу христіанства приличными и сообразными сохраненію повсемѣстнаго спокойства, небезполезно, конечно, было бы тогда селенія оныя помѣстить не въ самой большой отдаленности отъ городовъ, или такихъ селеній, въ которыхъ могли бы просвѣщенные истиннымъ познаніемъ закона священники, славою благочиннаго прехожденія своей должности, добраго житія и убѣдительнаго сердечнаго проповѣданія слова Божія, привлекать къ себѣ оныхъ людей, которымъ конечно не столько нужно доказывать пользу и необходимость обрядовъ, какъ то, что никакіе обряды не могутъ пренятствовать существенному Бо-

гослуженію и поклоненію внутреннему, которое подлинно есть коренное и котораго они не отвергають.

Мудрая терпимость, каковую Ваше Императорское Величество столь великодушно являть изволите, и снисходительное, такъ сказать, забвеніе оныхъ людей со стороны ихъ образа мыслей, всего дѣйствительнѣе могутъ ослабить ихъ энтузіазмъ, которымъ они весьма сильно и единственно водятся. Всякое принужденіе раздражить только энтузіазмъ сей, всякое утѣшеніе воспалить его. Прочіе раскольники, держимые закосиѣлостью навыка, или особливо выгодами корысти привлекаемые, могутъ одни отвлекаться отсѣченіемъ средствъ пріобрѣтать оныя выгоды, или даже приведеніемъ въ состояніе необходимо терять предъ другими; иные могутъ убѣждаемы быть въ своихъ заблужденіяхъ, которымъ они слѣдуютъ часто болѣе по навыку, и которые не укоренилися въ умахъ ихъ, а въ сердцахъ по большей части и вовсе не существуютъ; но, такъ называемые, духоборцы оные совершенно восхищены однимъ энтузіазмомъ, и такъ бѣдны, что терять имъ ничего.

Бѣдность ихъ Государь прекрасная; ибо они до конца разорены ссылкой со всѣми семействами на заточеніе и работы, изъ коихъ освободили ихъ милосердіе и человеколюбіе Вашего Императорскаго Величества. Дома ихъ и всѣ пожитки проданы, и хотя повелѣно было полученные за оное деньги имъ доставить, и доставлены въ мѣста бывшей ихъ неволи, но все сіе продано за безцѣнокъ и не могло иначе быть продано,—а впрочемъ какъ все оное въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, то конечно извѣстно, осмѣливаемся мы сказать, спасительной для вѣранныхъ Вамъ народовъ, опытности Вашей, Государь, и прозорливости.

Бѣдное состояніе оныхъ людей, коихъ и число здѣсь невелико, столько жалостно, что поистиннѣе достойно обратить на себя воззрѣніе великой щедроты Вашего Императорскаго Величества, дающаго примѣръ земнымъ владыкамъ священнаго уваженія къ человечеству.

За долгъ поставили мы все оное всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству и мнѣніе наше смѣло и свободно представили, руководимы будучи безпредѣльнымъ усердіемъ къ Августѣйшей особѣ Вашего Императорскаго Величества и къ пользѣ Отечества,—съ вѣрноподданническою любовію цѣлуя скиптръ благоденствія его держащую руку Вашу, повергаемся къ священнымъ Вашимъ стопамъ.“

Сіе донесеніе отправили мы уже при окончаніи осмотра Слободско-Украинской Губерніи и собираясь вмѣстѣ съ товарищемъ возвратиться въ Москву чрезъ Богучарской Уѣздъ той же Губерніи, въ которомъ надобно еще намъ было произвести нѣкоторое изслѣдованіе.

На первое донесеніе наше о духоборцахъ не имѣли мы еще отвѣта.—Признаюсь, что не ожидалъ я пріятнаго. Я очень надѣялся на прозорливость и челоувѣколюбіе Государя; но не былъ совершенно увѣренъ въ томъ, чтобъ ни сколько не могли подѣйствовать толки иныхъ изъ окружающихъ, такихъ, которые хотятъ выслужиться, представляя вездѣ опасности, хотя ни одной прямой отвратить не умѣютъ, и которые хвалятъ, или порочатъ дѣло не потому каково оно, а потому кѣмъ оно сдѣлано *). Тѣмъ больше, думалъ я, толки такіе могли навлечь препятства, что тогда со стороны образа мыслей моихъ не могъ я еще столько быть извѣстенъ Государю, какъ послѣ я имѣлъ къ тому счастье чрезъ нѣкоторые особливые случаи.

Впрочемъ при всемъ производствѣ онаго дѣла о духоборцахъ; и съ начала самага, не ожидалъ я себѣ пріятности за него по службѣ; а предметомъ однимъ имѣлъ оказать услугу общей Государственной

---

*) Особливо могъ я думать такъ потому, что клевета и недоразумѣніе давно разглашаютъ, будто я превеликій защитникъ всякой секты и расколовъ и заключеніе сіе обо мнѣ простирается до слѣпоты. Довольно сказать о томъ только два примѣра.

1-е) Предъ самою сею поѣздкою въ Харьковъ у одного отлично разумнаго и ученаго Архіерея, (который былъ то пріятелемъ, то гонителемъ моимъ и умеръ кажется первымъ) разговаривалъ я съ нимъ о расколахъ и о средствахъ укротить ихъ—представляя къ тому самыя дѣйствительныя, кромѣ жестокости и тѣлесныхъ наказаній. На другой день Архіерей сей въ собраніи Синода, бывшаго тогда въ Москвѣ, рассказываетъ, что онъ съ ужасомъ вчера слышалъ отъ меня самага, какой я защитникъ и покровитель всѣхъ раскольниковъ;—что это такого рода расположеніе мое, которое не бездостоинно даже вниманія Правительства. Другой Архіерей, съ которымъ случилось мнѣ говорить точно то же въ тотъ самый день, только въ вечеру позже, съ удивленіемъ отвѣчалъ ему, что онъ наканунѣ же слышалъ отъ меня напротивъ самыя сильныя и дѣйствительныя средства къ пресѣченію расколовъ; но только жаль, что уже поздно ихъ употреблять и пересказывалъ какія. Гонитель мой, при всей лютости своего ополченія, смягчился однакожъ и утихъ посовѣтсаясь, слово въ слово, что я и ему говорилъ, слыша самое то же—отъ своего товарища и еще старшаго.

2-е) Вошла въ сенатъ жалоба отъ раскольника крестьянина на своего помѣщика, въ коей онъ особливо жалуется на то, что помѣщикъ мѣшаетъ ему раскольниковать. Въ Сенатѣ дается резолюція, послабляющая раскольнику. Я за болѣзнію тогда не присутствовалъ. Несогласясь на такую резолюцію, далъ я голосъ, чтобъ жалобу передать въ уголовный Департаментъ для поступленія по строгости законовъ, въ укрощеніе буйства. При чтеніи моего голоса, товарищи въ первомъ движеніи закричали: „Ну, извѣстно что онъ за раскольника!“ Это даже забавно.

пользѣ и человѣчеству, хотя бы самому и много потерпѣть за то досталось.

Наканунѣ выѣзда изъ Харькова, по обыкновенію своему, проснувшись рано поутру, нашелъ я въ своей предспальнѣ ожидавшагося меня почтмейстера, который вручилъ мнѣ на эстафетѣ полученной отъ Императора рескриптъ. Готовъ уже будучи прочитатъ себѣ неудовольствіе долго не распечатывалъ я его, и распечаталъ послѣ—распрошавшись съ почтмейстеромъ.

„Господа тайные Совѣтники и Сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! примите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ духоборцевъ. Я нахожу его столько же сообразнымъ просвѣщенію и благоразумнымъ вашимъ правиламъ, сколько и основаннымъ на справедливости и настоящемъ положеніи сихъ людей и, вслѣдствіе того поручаю вамъ въ продолженіи пребыванія вашего въ Слободско-украинской Губерніи наблюсти, дабы распорядженія вами сдѣланныя воспріяли точныя ихъ дѣйствія и послужили мѣстному начальству и на будущее время образцомъ поведенія его съ симъ родомъ людей. Вмѣстѣ съ симъ вразумляю я губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему назначенное при возвращеніи сихъ духоборцевъ увѣщаніе, и находя, между тѣмъ, что прежде предпрятаго тамошнимъ правительствомъ народнаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе было бы помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что правительство сіе въ разоренномъ ихъ положеніи, готово простерть имъ руку помощи и покровительства, я предписываю ему войдя въ ихъ состояніе и описавъ ихъ нужды, представить мнѣ, имѣютъ ли они дома, и если не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать немедленно нужное пособіе. Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ: Александръ.

С. Петербургъ, 2-го Ноября 1801-го года.

До восхищенія пріятенъ былъ сей рескриптъ, коего слова изъявляющія терпимость и щедроту Государя, должны неизгладимыми буквами начертаться въ славнѣйшихъ дѣянїяхъ человѣколюбія и просвѣщенія.

Успокоился и порадовался очень товарищъ мой—и вотъ что онъ при этомъ сдѣлалъ,—черта почтеннаго характера, достойная быть извѣстною.

На одномъ эстафетѣ съ рескриптомъ симъ получилъ я письмо отъ Д. П. Трощинскаго, въ которомъ сей министръ, отличною твердостью и рѣдкимъ въ дѣлахъ Государственныхъ искусствомъ одаренный, писалъ ко мнѣ о томъ удовольствіи, коимъ онъ искренно участвовалъ при семъ случаѣ въ благоволеніи Монаршемъ; и въ концѣ письма своего писалъ поклонъ моему товарищу.

Товарищъ мой, благодаря его письмомъ, которое приготовилъ онъ послать съ фельдъегеремъ, коего наканунѣ отъѣзда нашего изъ Харькова надобно намъ было отправить въ Петербургъ, въ письмѣ ономъ и писалъ, что: „онъ нисколько не можетъ участвовать въ благоволеніи намъ отъ Государя оказанномъ, потому что онъ во все время ничего больше не дѣлалъ,—какъ только подписывалъ, что я напишу.“—Письмо это показалъ онъ мнѣ; я хотѣлъ его пріятельски изодрать, но онъ слишкомъ серьезно сказавъ, что поссорится со мною, вырвалъ его у меня, запечаталъ и отдалъ фельдъегерю. Тутъ я попробовалъ взять письмо у фельдъегеря; только тутъ дошло было, подлинно, до брани.

Такимъ образомъ кончилась исторія духоборцевъ, которые, по нашему представленію, сходному съ ихъ желаніемъ, переселены въ особое жилище на молочныя воды, съ щедрыми пособіями отъ милосердія Государева и составляютъ теперь одну изъ лучшихъ колоній.

Поступокъ нашъ въ дѣлѣ семъ поставленъ былъ за образецъ начальствамъ всѣхъ Губерній Высочайшимъ Имяннымъ указомъ, который чрезъ Генераль-Прокурора объявленъ всѣмъ Губернаторамъ въ томъ же Декабрѣ 1801-го года.

Въ публикѣ иные хвалили это дѣло, а большая часть осуждала, и всѣ критики и порицанія устремлялись на меня.

Бранили меня нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все касающееся до религіи, есть ихъ монополія, и что безъ рясы и клобука не можно имѣть истиннаго просвѣщенія въ сей религіи, коея начало и конецъ есть *Сый вездѣ и вся Исполняй*.

Бранили меня благочестивыми слывуціе старцы, кои не пропускаютъ обѣденъ и прилежно разбираютъ: рыба ли вязига¹⁾ и можно ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому, что въ него-де кладется кровь; и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку и всякую неправду для пріятеля, особливо для придворнаго.

Бранили думающіе о себѣ, что они философы и выше, какъ говорятъ они, предразсудковъ, которые презираютъ всѣ расколы и секты, хотя не знаютъ прямо, что такое секты или расколъ, не знаютъ сами, хорошенько, какой они религіи и съ надменною улыбкою славныхъ умовъ, говорятъ: всякій честный человекъ христіанинъ; какъ будто нѣтъ честныхъ людей между язычниками, и какъ будто не было ихъ до Христа, коему они не вѣрятъ.

Бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые какъ бы заботясь о благосостояніи и твердости Государства. кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя также не знаютъ не вѣдаютъ, что такое секта и въ чемъ состоитъ благосостояніе Государства,—и хотя они сами изъ ленточки, изъ титула какого нибудь Превосходительства и. особливо, изъ знатной суммы ходящихъ достоинствъ—готовы на все пуститься.

Брани и толки такихъ господъ и доселѣ продолжающіеся, принималъ я всегда очень равнодушно; но узнавъ, что и тамъ объ ономъ дѣлѣ духоборцевъ перемѣняются заключенія, откуда вліяніе ихъ можетъ простираться и на общую пользу, не говоря о томъ, что и мнѣ лично въ нѣкоторый вредъ; ибо я о себѣ въ такихъ случаяхъ мало привыкъ думать и по самому природному моему нраву равнодушіе тутъ для меня не трудно.—Узнавъ о семъ, разсѣялъ я одну рукопись, въ которой описалъ все мое происшествіе съ духоборцами, причины моего съ ними поступка, образъ мыслей моихъ о расколахъ и о томъ, какъ съ ними поступать вообще. Я помѣщу здѣсь мою рукопись, которая не могла быть напечатана, исключая изъ нее сказанное уже мною выше о семъ случаѣ. Къ сочиненію ея особливо побужденъ я былъ однимъ извѣстіемъ мнѣ: письмомъ первенствующаго въ Синодѣ Архіерея, въ коемъ онъ по нѣкоторому случаю говоря о духоборцахъ, писалъ: сей родъ сильно умножается, и не зная что дѣлать съ нимъ, зѣло винятъ Ивана Владиміровича.

---

¹⁾ Подлинно зналъ я одну старую барыню, очень богомольную и разумную,—и еще мастерицу по французски и по нѣмецки, которая толковала съ Архіереями, можно ли ѣсть вязигу въ тѣ дни, въ которые по уставу не положено ѣсть рыбу?—И ей разрѣшили почему-то не упомяну, вязигу къ рыбѣ не причитая.

Выписка изъ рукописи подъ названіемъ отзывъ искренности.

Слышу что умножается число такъ называемыхъ духоборцевъ и что за сіе винять меня.

Если бы я зналъ, что обвиненіе такое заключается только въ разныхъ толкахъ невѣжества и въ злорѣчіяхъ моихъ непріятелей (хотя я ихъ развѣ отъ того имѣю, что никогда не могъ быть и не есть ни кому непріятель) то я бы не только постыдился, да и полѣнился бы, право, себя оправдывать.

Но какъ разглашенія такія, могутъ ввести въ ложное понятіе и самыхъ благомыслящихъ людей, тѣхъ, которые не знаютъ прямо обстоятельствъ, и какъ статья сія относится къ важному состоянію религіи и къ общественному благоустройству, то я, почувствовавъ мое благоговѣніе къ Церкви и ревностную любовь къ отечеству, считаю за нужное вѣчто о семъ сказать:

I.

Никогда не только на бумагѣ, но ниже на словахъ и съ самыми короткими пріятелями не одобрялъ я оную секту. Всякая секта должна имѣть и, конечно, имѣеть свои заблужденія.

Истинная Религія есть ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, и новая тварь во Христѣ Иисусѣ есть истинная натура христіанства. Кто сего Евангельскаго и Апостольскаго о христіанствѣ заключенія не приметъ тотъ или врагъ христіанству или совсѣмъ никакого объ немъ чувства и понятія не имѣеть.

Но для возведенія падшихъ грѣхомъ людей на оный таинственный путь христіанской жизни и для постепеннаго ихъ по оному препровожденія, при содѣйствіи благодати свыше, нужны церковныя уставы, обряды, служенія, правительства, начальства и проч. А посему надобность учрежденной религіи есть самая священная и спасительная, и изъ всѣхъ истину исповѣдающихъ т. е. христіанскихъ религій, уставъ Греко-восточной церкви почитаю я наилучшимъ, не потому только, что я въ ней родился, но по убѣжденію сердца моего и разума.

II.

Исторія раздѣленій церкви извѣстна. Они столько жъ естественны, сколь естественно заблужденіе людямъ, не могущимъ видѣть истину съ точки прямого на нее зрѣнія, а испытывающимъ ее по образамъ

и оттѣнкамъ, слабостію разсудка природнаго. Отъ сего произошли все раздѣленія (секты) и расколы. Политическія побужденія были всегда уже вторыми причинами. Фанатизмомъ ли суевѣрія, честолюбіемъ, или сребролюбіемъ руководствовались учредители секты, но всегда пользовались они заблужденіемъ людей, — слѣпотствующихъ на пути къ истинѣ.

Источникъ всѣхъ почти расколовъ есть усердіе не просвященное, исканіе лучшаго образа Богослуженія, которое конечно рождается отъ усердія къ Богу; но безъ просвѣщенія на самомъ подвигѣ усердія сего въ заблужденіе войти можно. *Для того же, кто называясь христіаниномъ въ Христа не вѣруетъ, о Богѣ не помышляетъ, конечно, все равно тотъ или другой образъ поклоненія, или совсѣмъ никакого. Таковой конечно не уклонится ни въ какую секту и уклоняться ему не отъ чего.*

И такъ самая ревность къ Закону Божію, но свѣтомъ истиннаго разума не управляемая, заводитъ въ разнообразныя заблужденія и производитъ различные расколы и раздѣленія.

Непостигающій силы духа и внутренняго качества христіанскаго и заключающій все въ одной внѣшности боготворить ее и ею соблазняется; разница въ литерахъ, въ какомъ нибудь обрядѣ соблазняетъ и совращаетъ его. Онъ лучше согласится не величать Христа, нежели говорить тѣми, а не другими словами; лучше совсѣмъ не будетъ молиться, нежели не тѣ употреблять внѣшніе знаки поклоненія, какіе употребляли его предки.

На семь совратившихся самое большое число. Въ подвигѣ усердія непросвѣщеннаго, при суевѣрномъ обожаніи внѣшности, гораздо удобнѣе слабостямъ человѣческимъ удовлетворяться ея исполненіями, нежели сражаться со страстями и отрицаться самолюбія.

Другіе впадаютъ въ противное, но также въ заблужденіе и столько же удаляются отъ пути истиннаго. Понимая, что не во внѣшности заключается существенное, но не понимая пользу внѣшности и необходимость ея, какъ средства къ внутреннему, отвергаютъ внѣшнее. презираютъ образное; но не постигаютъ истиннаго, не вѣдаютъ существенной внутренности духовнаго. Разсужденіе о Богѣ принимаютъ за созерцаніе божественнаго; молитву не устную, мысли о молитвѣ, за поклоненіе духомъ и истиною; безразсудное неуваженіе всякой внѣшности, при размысленіи духовномъ и при нѣкоторомъ стараніи

естественными силами исполнять поверхность христіанскихъ обязанностей съ большимъ пожертвованіемъ самолюбію, почитаютъ жизнь духовною, — внутреннимъ христіанствомъ. Не вѣдаютъ, что созерцаніе небеснаго свойственно быть можетъ только чистому оку Божественной премудрости, которая не входитъ въ злую душу и не обитаетъ въ тѣлѣ оскверняющемся грѣхами; что поклоненіе духомъ и истиною есть жертвоприношеніе сердца исполненнаго страха Господня, при живомъ вѣроу и любовію ощущеніи присутствія Божія, что духовная жизнь внутренняго христіанства есть безпрестанное распятіе плоти и страстей на внутреннемъ крестѣ самоотверженія и смиренія.

III.

Изъ оной-то смѣси стремленія къ чистѣйшему поклоненію и ложнаго понятія о духовномъ, родилась секта, такъ называемыхъ, духовборцевъ.

Кто именно сіе учредилъ и точное время начала ея не извѣстно. Нѣкоторые изъ нихъ меня увѣряли, что уже слишкомъ сто лѣтъ существуетъ у нихъ такой образъ исповѣданія. Правительству же стали они весьма извѣстны около 1770-го года. Впрочемъ, хотя отъ начала своего имѣли они правиломъ не уважать ничего наружнаго и все заключать единственно во внутренности и въ дѣятельномъ исполненіи евангельскихъ заповѣдей, однако, они всегда ходили въ храмы, бывали у святаго причастія, въ храмахъ крестились, бракомъ сочетались и всѣ внѣшнія обязанности религіи исполняли. Сіе между ними продолжалось до самаго послѣдняго времени ихъ ссылки и заточеній.

Никакая секта въ новѣйшія времена не была столь строго преслѣдуема, какъ оныя духовборцы и, конечно, не потому только. что они всѣхъ бѣднѣе.

Разными образами истязали ихъ; цѣлыми семействами ссылали въ тяжкія работы, — заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоять во весь ростъ, ни лежать протянувшись нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они содержались.

IV.

Взятыхъ подъ стражу въ Слободско-Украинской губерніи духовборцевъ велѣли мы съ товарищемъ тотчасъ освободить и уничтожить

всякое надъ ними слѣдствіе, въ надеждѣ на прозорливость и человѣколюбіе Государя, а притомъ зная, что въ подобныхъ случаяхъ средства строгости всегда обрацаются, или въ несправедливое истязаніе слабости и невѣжества, или въ пищу фанатизму, который тѣмъ укрѣпляется и воспламеняется больше. Слѣпоту разума должно исцѣлять просвѣщеніемъ разума; заблужденія духовныя исправлять надобно убѣжденіемъ духа, силою истины.—Я думаю что одна проповѣдь Евангельскаго ученія, словами и книгами, при добродѣтельныхъ примѣрахъ, можетъ выводить изъ заблужденія совращающихся съ прямого пути религіи. Исполненныхъ предразсудками противъ всякой внѣшности, или безразсудно прилѣпленныхъ къ какимъ либо особливимъ обрядамъ, никогда не убѣдимъ въ пользѣ тѣхъ, а не другихъ. Опыты многихъ вѣковъ сіе доказываютъ. Но когда заблуждающіеся въ ономъ будутъ просвѣщены и сердечно убѣждены въ существѣ животворнаго внутренняго христіанства, тогда всякая для нихъ преграда на правильный путь сама собою разрушится и они при истинномъ на него вступленіи, узнаютъ и необходимую при томъ пользу внѣшности и обрядовъ для людей, изъ души и тѣла составленныхъ.

Совершенное отнетаніе духоборцами всякой наружности конечно есть великое заблужденіе.—Кромѣ установленныхъ въ церкви таинствъ, коихъ предметъ есть освѣщать души и цѣлить тѣла силою вѣры, отвергая пути сокровенному дѣйствію Духа Божія, всѣ уставы и обряды церковныя спасительны и полезны; ибо въ нихъ устроены способы внѣшними упражненіями обращать самыя внѣшнія чувства на вспоможеніе духу, возбуждать сердце трогательностью совершенія служебныхъ обрядовъ и видимыми образами, описаніями, чувственнымъ пѣніемъ невидимыхъ истинъ, сообщать объ нихъ разительное понятіе разуму.

И такъ отверженіе всякой наружности есть конечно заблужденіе, но оно должно исправляться просвѣщеніемъ; а не жестокостью; хотябы то и не въ сотняхъ семействъ. Убѣжденія нужны—жестокость же не убѣждаетъ, но только раздражаетъ, или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже раскола. Лучше, при усердномъ намѣреніи угождать Богу, отъ невѣжества заблуждаться въ образѣ поклоненія, нежели играть имъ въ угодность людямъ.

Принявъ все сіе въ уваженіе, безпристрастные, разсудительные, уважающіе человѣчество и знающіе соотношеніе пользы Государственныхъ, конечно не осудятъ того, что въ случаѣ семъ сдѣлалъ я съ моимъ почтеннымъ товарищемъ.